

в. до н.э. на Самосе. «Жизнеописание...» (как единый текст – Ю.Б.) было создано, по видимому, на эллинистическом Востоке во II м – I вв. до н.э.». Древнейший из сохранившихся текстов относится к I – II вв. уже н.э. (Там же, с.392 – 393) даже при учете того, что время и место создания текста не могли не отложить отпечаток на представления о постыдном, особенно сопоставляя то, что известно о быте собственно Эллады, здесь есть над чем поразмыслить.

НЕСКОЛЬКО СУЖДЕНИЙ О РАЗВИТИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У КАЗАХОВ ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Духин Я.К., Кандерова Н.А.

Пахать или кочевать? – перед такой дилеммой когда-то было поставлено казахское население северных районов современного Казахстана.

Каков ответ на дилемму? Он не дан в однозначной трактовке, есть разновариантная система взглядов на проблему. Мы не склонны погружаться в анализ многообразных оценок явления, ограничимся лишь постановкой и отчасти трактовкой нескольких суждений. Начнем, пожалуй, с исторического факта.

Первые признаки появления в Тургайской области земледельческой культуры автор ряда работ о хозяйстве казахов Т. Сейдалин относил к концу XVIII в., когда были «предприняты первые попытки земледелия по бассейну р.Тургай. Пионером хлебопашества стал казах кипчакского рода Сеит-Кула». Опыт первых посевов, давший благоприятные результаты, не остался без подражания, и, по свидетельству того же автора, к середине XIX в. на территории Кустанайского и Тургайского уездов уже насчитывалось до 80 кибиток, засевавших более тысячи десятин просом и около девятисот – пшеницей.

В этом месте уместно напомнить, что с появлением земледелия у казахов возникла проблема перехода к оседлой жизни. Именно проблема, и решалась она неоднозначно. Известно, что царской администрацией подобный вопрос выдвигался еще в 20-е годы XIX в., и сразу же обнаружилось отсутствие единства в том, каким быть хозяйству обитателей местных степей.

Оренбургские власти, например, первоначально одобряли политику приобщения кочевников-казахов к земледелию. Но затем точка зрения заметно изменилась, и с приходом на

Түйін

Мақалада Геродоттың әңгімелеріндегі мысалдарда мәдени құндылықтардың рөлі қарастырылып, қазіргі заман үшін осындай мәселелердің маңыздылығы көрсетілген.

Conclusion

This article tells about the role of cultural values in historical events on the basis of the works by Herodotus and also about it's importance for the present period.

пост оренбургского генерал-губернатора П. Сухтелена, а затем и В.А. Перовского стала активно проводиться мысль об удержании местного населения в кочевом состоянии. По представлению В. Перовского в 1833 г. принято решение о запрещении казахам заниматься хлебопашеством вблизи русских поселений. Свои намерения генерал подкреплял решительными карательными мерами, названными А.И. Герценым «гибельными» и «беспутными». Оренбургские власти видели в развитии земледелия у казахов препятствие к ведению традиционного скотоводства, что, по их мнению, могло отрицательно сказаться на торговых интересах России.

Несколько иной подход продемонстрировала западносибирская администрация, считавшая хлебопашество важной предпосылкой хозяйственного развития степи. Более того, генерал-губернатор Вельяминов выступил даже инициатором награждения 20-ти казахов, наиболее отличившихся в ведении хлебопашества, «дабы через сие к занятию земледелием поощрить прочих».

Кто был прав в этих противоречивых подходах? Нам представляется, что позиция В. Перовского должна найти защиту в следующем пояснении. В условиях 30-50-х годов XIX в. переход кочевое население к оседлости еще не был подкреплен экономическими факторами, он был, скорее всего, преждевременным. Этот процесс будет совершаться позднее, уже в условиях вхождения Казахстана в рыночную структуру империи, в условиях вовлечения земельных резервов в активное хозяйственное использование переселенцами.

И действительно, поток переселенческого движения катализировал процесс развития земледелия у местного населения, и темпы его были

весьма стремительными. В рапорте Кустанайского уездного начальника указывалось, что в 1887 г. казахи уезда засеивали уже 11239 десятин разными хлебами [1]. Сошлемся на пример. В 1898 г. были описаны 1643 хозяйства Аракарагайской волости. Оказалось, что средняя семья из 5,67 душ обоего пола имела 22,12 единиц скота и 3,3 десятины посева. Всего же занимались земледелием 72,3% кибитковладельцев, из них 62,5% хозяйств владели инвентарем. Данные того же года показали, что в Карабалыкской волости в занятие земледелием вовлечено было 78% хозяйств, засевавших в среднем по 3 десятины [2].

Земледелие у казахов первоначально носило «очаговый» характер и практиковалось в наиболее доступных для хлебопашества местах – в низинах (лиманах), в поймах рек и озер, и лишь позднее был сделан переход к использованию богарных земель. Кто оседал на земле? Скорее всего, кочевники, не обладавшие достаточным количеством пастбищной земли для воспроизводства своего стада и вынужденные искать дополнительный источник хозяйственного благополучия в занятии земледелием.

Держался земледелия в большей степени житель северных степей, сам обрабатывающий землю, поскольку убеждался, что его благосостояние уже зависит не от одного только источника – скотоводства, а от двух – скотоводства и земледелия. Причем, стремление к хлебопашеству было менее ярко выражено у той категории населения, которая имела возможность манипулировать арендой земель, не стесняясь при этом хозяйственного статуса скотоводства. Для них раздача угодий переселенцам являлась более предпочтительной, нежели ведение собственной запашки.

Заслуживает внимания отношение подобных владельцев арендных земель к крестьянам-переселенцам. По мнению некоторых из них, присутствие пришлых арендаторов вносило в систему хозяйственных отношений отрицательный опыт, причем позиция сдатчиков земли переселенцам была до крайности проста: зачем вкладывать большой труд в обработку пашни, когда можно ее получить уже возделанной, да еще в придачу к хлебу и деньгам от арендаторов-испольщиков. Зачастую подобное настроение действовало крайне развращающе на казахов, вызывая у них негативную реакцию на земледельческий труд. Известный знаток местного края Полферов Я.Я. привел запись своего разговора с неким аксакалом Баяке. Суждения аксакала не лишены оригинальности и заслуживают внимания. «... нас не только не старались

заинтересовать, приохотить к этому труду (земледелию), – говорил Баяке Полферову, – а, наоборот, вселяли отвращение, доказывали, что только люди, обреченные Богом на страдания, могут им заниматься. Тебе самому, вероятно, не раз приходилось наблюдать такую картину: полевые работы в разгаре; переселенцы, обливаясь потом, взрывают землю, тяжело волочась за плугом; все – оборванные, голодные, исхудалые. И тут же верхом, на сытом маштачке, наблюдает любопытный киргиз. Он уже начинает вдумываться, пытается разрешить загадку такой каторжной работы, но вот приближается пахарь, останавливает плуг, вытирает пот рукавом грязной рубахи и заводит речь с киргизом:

«Ну, и житье тебе, малайка! Получишь с нас аренду, да и спокоен: разъезжай себе по полям, ашай барана, пей кумыс... А тут вот изнывай!..»

И «малайка» еще больше укрепляется в своем мнении, что земледельческий труд – труд несчастных, труд париев, рабов, и он с презрением отворачивается от него...» [3, 21-22].

Тут целая философия, заставляющая с несколько иным акцентом оценить степень позитивного воздействия переселенцев на занятие земледелием у казахов. Пример здесь, скорее, отрицателен и, видимо, случаен, нежели масштабен по распространенности, поскольку переход к оседлому ведению хозяйства все же совершался как факт, и был он, явно, проявлением естественных и объективных процессов. Кочевник стал все увереннее убеждаться, что хлебопашество более стабильно, нежели скотоводство, поскольку может гарантировать устойчивость его бытия. Именно данный мотив в значительной степени определял выбор.

Нельзя не принимать в расчет и начавшийся процесс естественного прироста населения, так называемое аграрное перенаселение. Может быть, оно не столь активно проявило себя в конце XIX в., но его нарастание неоспоримо. Н.Е. Бекмаханова определила ситуацию такими показателями: если в 1870 г. на территории Кустанайского уезда проживало 105 тыс. казахов (21000 кибиток), к 1897 г. их здесь уже насчитывалось 123,3 тыс. душ (24600 кибиток) [4]. А это причина того, что увеличивающаяся плотность населения уменьшала размеры пастбищ у определенной части скотоводов, вынуждая их к поиску новых источников существования, в том числе к занятию земледелием. К этому подталкивал и набиравший ускорение процесс социального расслоения казахского общества, и как результат, – концентрация пастбищных угодий в руках аульной верхушки и

сокращение потенциальных возможностей вести традиционное хозяйство у известной части населения. Иными словами, получала развитие объективная тенденция, напрямую не продиктованная колонизацией, а имевшая от нее лишь ускорение.

Другое дело – занятие земледелием как процесс, его совершенствование, его приемы, технологические принципы и т.п. Здесь влияние переселенческого хозяйства неоспоримо, и оно действовало как обучающий фактор. И замечание, сделанное А. Кауфманом, думается, будет к месту. «Близость русских поселений, – писал он, – лишь тогда ведет к развитию земледелия у киргиз, когда это вытекает из экономических условий места и времени и потребностей киргизского хозяйства... Ясно..., что на развитие земледелия у киргиз влияла не русская колонизация, как таковая, а просто близость земледельческого населения, раз только условия времени и места толкали их к занятию земледелием. Чтобы говорить о культурном влиянии русской колонизации, необходимо выяснить себе, чему, собственно, какому земледелию учились и могли выучиться киргизы от русских поселенцев» [5].

Теперь вот о чем. Предпринятое в конце XIX в. изъятие «излишек» земли, по результатам исследований Ф.А. Щербины, породило острую проблему: земля становилась предметом антагонизма между русскими и казаками, царским правительством и переселенцами. «Киргизы просто опешили, – сообщал корреспондент «Оренбургской газеты», – и начали искать у начальства защиты: подавать просьбы всяким местным властям, отправлять депутации в Петербург, жаловаться на тесноту, просить об оставлении земель в их вотчинную собственность или о поземельном устройстве их. В Петербурге им пообещали много и отправили назад» [6].

Признавая факт возникновения противоречий, следует обратить внимание на то, что антагонизм особенно проявился в районах развитого кочевого скотоводства и менее всего там, где казахи стали переходить к оседлому земледелию. Некоторые современники (Трегубов, Чиркин и др.) подметили, что из среды казахоземледельцев и казахской бедноты постоянно слышались слова: «Что нам кочевники? Нам русский ближе, чем они». Эта часть киргизского народа, сообщал Г. Чиркин, готова сесть на наделы переселенческой нормы, но, будучи «связана с богатыми киргизами» тесными экономическими узами, она без их разрешения «не может сделать в степи ни одного шага». Чиркин пытался провести мысль о том, что «те мнимые

жалобы на допущение переселенца в степи, которые исходили будто бы от киргиз, служили, в сущности, отголоском недовольства богачей и воротил в глухой степи» [7; 51].

Руководителям землеотводными работами часто приходилось слышать от местных казахов Кустанайского уезда о том, что оставляемые им по нормам угодья мало их обеспечивают, поскольку находятся в пользовании богатых соплеменников. «Дайте нам, – говорили они, – дайте небольшой клочок, но укажите его в точных границах, чтобы знал, что это его земли, что эту землю от него никто никогда не отнимает и больше никаких обрезов делать не будет» [7; 61].

Понять богатого кочевника можно, он терял многое от устанавливаемых норм, они подрывали его экономическое могущество и социальную основу. П.П. Румянцев, автор интересного исследования «Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем», подкреплял факты мощи аульной верхушки следующим обобщением: «Чтобы содержать свои громадные стада, киргиз-богач нуждается в пастбищах, обнимающих тысячи десятин. Пользуясь неопределенностью границ киргизского землепользования, он беспрепятственно пасет свои многочисленные стада по всей территории своих сородичей, часто совершенно не считаясь с их кровными интересами».

Та часть казахов, которая по-прежнему была ориентирована на кочевой образ жизни, откровенно страшилась последствий перехода к оседлости, которую ей навязывала землеустроительная политика правительства. Они предпочитали придерживаться традиционного хозяйствования даже ценой ухода с родных мест. Обеспокоенность подобной ситуацией выразил автор газеты «Приишимье» некий «Наймит», заявивший, что «результатом применения «отбирающей» политики является полнейший упадок скотоводства и возможная эмиграция киргизского населения в Афганистан».

Казахам же, связавшим свою хозяйственную судьбу с земледелием, нормы давали гарантию обеспеченности, но при условии, однако, четкого выполнения всех только государственных узаконений и здравого поведения местных властей.

Кстати, за первые 13 лет, прошедшие после экспедиции Ф. Щербины, нарезки земли под переселенческие участки в Северном Казахстане составили всего лишь 25% исчисленных «излишков». В Кустанайском уезде положение сложилось следующим образом: из 4.207.666 десятин выявленных «излишков» собственно под переселенческие наделы передавалось всего

лишь 1,5 млн. десятин – 38% [8]. Но даже уже эти изъятия вызывали резкие протесты. Особенно много жалоб поступило в 1905 году, они были активно поддержаны печатью и сформулированы наиболее четко в программе уральской казахской интеллигенции во время выборов первой Государственной Думы. Между прочим, там говорилось: «В основном законе должно быть написано, что киргизские земли принадлежат на праве вечной собственности киргизскому народу без всяких других совладельцев. Законы о признании киргизских земель государственною собственностью и о переселении на них русских мужичков должны быть отменены, уничтожены. Без позволения самих киргиз русские не должны отбирать землю ни во временное пользование, ни на вечность» [9].

На страницах оренбургской и центральной прессы развернулась полемика относительно уровня развивающихся в казахском хозяйстве оседлых тенденций. П. Хворостанский (главный статистик Тургайской временной партии) в докладе, сделанном в зале Оренбургской городской думы, считал занятие казахов земледелием утвердившимся фактом и заявил о необходимости более активного перехода кочевников к оседлости. «Земледелие, – говорил он, – поможет выйти бедным киргизам из-за засилия богачей». Ему возражал депутат первой Государственной Думы трудовик Т. Седельников, требовавший временного прекращения переселения и предоставления возможности населению «разобраться в своих землях и распределить их между собою таким образом, чтобы совершенно безземельных киргизов не было». Нетрудно заметить в этом лозунге популистский призыв, никак не отражавший реального положения дел и объективного хода событий, ибо в условиях уже довольно развитого социального противостояния в степи ни о каком справедливом распределении земли речи не могло быть.

Ряд деятелей переселенческого движения, в том числе и представители Тургайской областной администрации, не соглашаясь с утверждением П. Хворостанского о переходе кочевого населения Кустанайского и Актюбинского уездов в своем большинстве к оседанию, указывали на то, что «весь быт киргиз носит еще патриархально-кочевой уклад, и они должны быть признаны кочевниками» [10].

Итак, подведем итоги. Вывод первый. Приобщение казахского кочевого населения к земледелию началось как процесс естественного развития общества и притом задолго до появления в Кустанайских степях первых русских переселенцев. При этом хлебопашество станови-

лось видом хозяйствования лишь у жителей северных регионов, и то в качестве подсобного фактора к основному скотоводческому образу деятельности. С развитием переселенческого движения этот процесс усиливался не только его примером, но и фактом вхождения края в общий строй российской экономики, российского рынка в целом, сдвигами, наметившимися в самом хозяйстве, и, не в последнюю очередь, социальным неравенством, вызвавшим острую борьбу за землю. Нарастающее разрушение патриархальной замкнутости, распад натурального хозяйства и вызванное этим проникновение товарных отношений ускорило переход к оседлому земледелию. Концентрируя в руках общинные земли, ориентируясь на кабальную эксплуатацию соплеменников, аульная верхушка ставила их в такое положение, которое подрывало экономические ресурсы хозяйства и вынуждало искать подспорья в земледелии. Корреспондент из Кустаная писал в троицкую газету об этих обездоленных: «Все они, или ничего не имеют, или имеют самый плачевный надел и еще не гарантированы от того, что любой аксакал его у них не прогонит (так!) или не сдаст в аренду переселенцам без ведома несчастных бедняков-киргиз. Это вопиющее зло среди киргиз настолько их заело, что они боятся своих аксакалов и скрепя сердце выбирают их еще на общественные должности. Так аксакалы «обрабатывали» своих бедных собратьев в земельном отношении» [11].

Именно эта часть казахов видела в переходе к хлебопашеству свое спасение. На этапе стихийной колонизации русские переселенцы нашли в новых землях уже достаточно прочно установившуюся тенденцию к земледелию и формирование основных групп населения сообразно их причастности к этой тенденции. Данное обстоятельство позволило «Киргизской степной газете» сделать вывод о том, что те казахи, которые вышли на обработку земли, «живут лучше своих сородичей». «Мы верим, – пишет корреспондент, – что киргизы наконец бросят кочевую жизнь и сделаются оседлыми хлебопашцами» [12].

Вывод второй. Он продиктован началом сплошной колонизации, совпавшей со столыпинскими аграрными мероприятиями и вызвавшей масштабное изъятие земель у кочевого населения. Данная ситуация поставила его перед дилеммой выживания в условиях типичного кочевого хозяйствования и заставила искать выход в приобщении к земледельческому роду занятий. Теперь проблема оседлости приобретала весьма актуальную окраску. Воздействие

переселенческого элемента стало довольно массированным, теперь он не только побуждал к земледелию примером хозяйствования, но и создавал такую экономическую ситуацию, благодаря которой занятие хлебопашеством у казахов становилось делом перспективным и надежным. У кустанайского журналиста С. Ужгина подобное состояние вызвало вполне определенную реакцию. «Судьба киргизов, – сообщал он в газету, – решена бесповоротно: им волей-неволей приходится примириться с необходимостью перехода к иной форме хозяйства.

Развитие современного капиталистического хозяйства, разрушая натуральное сельское хозяйство, куёт всюду новые цепи. Кочевое хозяйство в современном поступательном движении является полнейшим анахронизмом, но за широкими киргизскими массами осталось неотъемлемое право на переустройство своей судьбы на новых экономических началах, непосредственно вытекающих из экономической эволюции народного хозяйства». [13].

Переход казахов к оседлости являл собой сложную картину. Первоначально он означал сочетание земледельческих занятий как побочных со скотоводством. На этом этапе преобладали пастушеско-земледельческие хозяйства, рекрутируемые не только из среды обедневшего крестьянства, но и среднезажиточных слоев аула. Затем наступила пора прочного оседания на землю и создания уже собственно земледельческих хозяйств как определяющих с побочным, прикладным занятием – скотоводством.

Темпы перехода от полукочевого образа жизни к оседлому в Кустанайском уезде шли в нарастающей динамике. В. Кузнецов указывал в 1910 г., что «масса населения созрела для перехода в оседлое состояние», а наиболее населенные места в северных волостях уезда уже не дают соответствующего простора для кочевого хозяйства. О стремлении казахов этих же мест к переходу на крестьянский переселенческий надел говорил и П. Хворостанский, причем указывал на это явление как прогрессирующее. М. Соколову пришлось наблюдать в Кустанайском уезде «целые аулы, переставшие ходить на дальние летовки – «джайляу» и ограничивающиеся выпасом скота на ближайших к зимовкам местах, что характеризует их полуседлое состояние. Наблюдается также значительное число случаев, когда целые аулы совершенно прекратили всякую кочевку и занимаются земледелием» [7; 200].

В. Тресвятский сообщал, что с 1909 г. чины Переселенческого управления начали массовые отводы наделов для оседлых казахов.

«Мотивы возбуждения ходатайств киргиз о переходе в оседлое состояние, – писал он, – это желание иметь землю на более постоянном праве и в более определенных границах. Для бедных киргиз к этому присоединялась еще возможность ослабить с приходом на оседлое положение земельные преимущества богатых, ставшие теперь пережитком. Отсюда вполне естественно и стремление упрочить свои права на землю при быстро развивающемся у киргиз земледелии под влиянием русской колонизации» [7; 1917. № 20. С. 81].

Законодательство позволяло при оседании на землю предоставлять казахам не только по 15 десятин на душу, но и оставлять для временного пользования то количество земли, которое составляло разницу между наделом и обозначенной Щербиной и Кузнецовым нормой. Последнее обстоятельство давало возможность обеспечить существование семейства скотом при переходе к оседлости и влекло за собой целый ряд позитивных последствий.

Одно из таковых – повышение рыночной стоимости земли. Последняя уже не просто вытаскивалась скотом, а работала более производительно, предоставляя, помимо прочего, более питательную пищу работнику и его семье. Приобщение к растительному продукту произвело настоящий качественный переворот в рационе питания не только самого населения, но и принадлежащего ему скота. Специалисты заметили, что усиленное сенокосение и развитие земледелия подняло питательную ценность корма для животных на 50%.

В семьях кочевников все большее значение стали приобретают хлеб и другие изделия из муки, рис, просо, крупы, овощи (картофель, огурцы) и пр. Разнообразие пищевого рациона, повышение его калорийности положительно сказывалось на здоровье, повышало сопротивляемость организма и предупреждало от многих болезней, увеличивая продолжительность жизни. Обращение к новой пище способствовало переходу и к более интенсивным формам хозяйства – факт в высшей степени важный. Расчеты таковы: для получения 100 пудов зерна, позволявших обеспечить пищей 5 человек, требуется десятина – полторы земли. Для содержания же 4 единиц скота нужно не менее 20-25 десятин пастбищ. В связи с этим один из редакторов журнала «Вопросы колонизации» Г. Чиркин заметил: «Вот почему кустанайский киргиз так цепко схватился за крестьянина-переселенца, внесшего в степь земледельческую культуру». Вывод, сделанный Чиркиным, вряд ли нуждается в комментариях, его придерживаются

многие знатоки вопроса. Выступая на общем собрании Государственной Думы 16 марта 1910 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин не без резона заявил, что земля для бывшего скотовода получает рыночную ценность. «В степи, – говорил он, – появляются цены на покосы, на пашни, на скот, на хлеб, увеличивается количество рабочего скота, появляются киргизские запашки...» [7; 1908. № 3. С. 64].

Несомненно, переход к новым условиям хозяйствования казахам дался довольно трудно. Он связан был с ломкой привычного строя жизни, требовал физического приспособления к новому характеру труда. Для местного населения переход к оседлости означал настоящую социальную и экономическую революцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный государственный архив РК (ЦГА РК). Ф.25. Оп. 1. Д. 2121. Л. 170.
2. «Тургайская газета». Оренбург, 1907. №19; Вопросы колонизации. СПб., 1910. №6. С. 255.
3. Полферов Я.Я. Среди инородцев. СПб., 1903. С21-22.
4. Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986. С. 67.
5. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 332.
6. Оренбургский край. Оренбург, 1906. № 16.
7. Вопросы колонизации. СПб., б.г. № 2. С. 51

8. Сельскохозяйственные данные за 1914 год. Оренбург, 1915. С.30.
9. Хозяйственное развитие Киргизской Советской Социалистической Республики. Отчетный обзор Киргизского экономического совещания за 1923 и 1924 гг. Оренбург, 1924. С. 35.
10. «Оренбургская газета». Оренбург, 1906. № 2529.
11. «Троицкий вестник». Троицк, 1908. № 51.
12. «Киргизская степная газета». – Алматы, 1994. – С. 660.
13. Ужгин С.С. К заселению степи // Приишимье. Петропавловск, 1913. № 1.

Түйін

Мақалада Қазақстанның солтүстік аймағындағы қазақ халқының отырықшылыққа және егін шаруашылығына көшеуі туралы мәселе қозғалған. Авторлар қазақ қоғамының түрлі әлеуметтік құрылымының жер шаруашылығына ауысу себептерін қарастырады. Аталмыш құбылысқа олар өздерінің объективтік түсіндіретін негіздемелерді береді.

Conclusion

In the article there raised a problem of transition Kazakh population of the northern regionsof Kazakhstan to the settled way of life and agriculture. The authors consider the reasons of involving different social strata of Kazakh society into of agriculture. The grounds of the objective necessity of that process are given in the article.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ МНЕМОНИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Жаркова В.И., Бравцева Т.Н.

За несколько последних десятилетий в литературоведческой науке опубликовано значительное количество работ, рассматривающих художественные возможности категории памяти на примерах анализа творчества отдельных писателей и поэтов. Необходимо отметить, что такие исследования одновременно появляются как в России, так и в Америке и странах Европы.

Актуализация интереса к данному феномену в российском литературоведении была обусловлена необходимостью осмысления литературы русского Зарубежья, где тема памяти занимала центральное место. Однако вскоре наряду с исследованиями о литературе иммиграции в аспекте памяти стало переосмысливаться и творчество писателей-классиков: А.П. Чехова, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского.

Накопленные теоретические и практические материалы привели к тому, что в современной науке остро обозначился вопрос о формировании мнемонического подхода к изучению художественных произведений. Чтобы разрешить данную проблему, считаем необходимым обратиться к истории вопроса.

Еще А.Н. Веселовский писал в «Исторической поэтике» о значении для литературы исторической памяти, которая «минует мелочные факты, удерживая лишь веские, чреватые дальнейшим развитием» [1; 134]. Для Веселовского память – это способ накопления творческого опыта, влияющего на становление и эволюцию литературных жанров и средств художественной выразительности.

Однако категория памяти важна для литературоведения и другими своими аспектами, в